

18+

КОРОЛЬ ПЛОТИ И КОСТЕЙ

ЛИВ ЗАНДЕР

Лив Зандер
Король плоти и костей
Серия «Mainstream.
Темные королевства»

индд предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69516052
ISBN 978-5-17-152228-5

Аннотация

Хуже, чем безжалостный король... это одержимый король.

Одиночество, мрак и гниющая плоть окружают меня, душат. Я – злой король темного королевства. Я жажду тепла, однако все, к чему прикасаюсь, отдает холодом.

Когда она попадает в мое королевство, потерянная и напуганная, одинокая и сбитая с толку, я пугаю ее еще больше. Она называет меня дьяволом, и поэтому я решаю доставить ей дьявольское удовольствие.

Я – жар, который возбуждает ее плоть, страстное желание, от которого плавятся кости.

Она умоляет меня, пытается вырваться из моих объятий.

Но отныне я ее хозяин, я – король плоти и костей.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	22
Глава 3	33
Глава 4	48
Глава 5	59
Глава 6	72
Глава 7	87
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Лив Зандер

Король плоти и костей

Liv Zander

King of Flesh and Bone

Печатается с разрешения автора

Перевод английского Валерии Двининой

Дизайн обложки Елены Лазаревой

Copyright © 2022 by Liv Zander

www.livzander.com. All rights reserved

© В. Двинина, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Глава 1

Ада

– Мертвецы беспокоятся. – За залитым дождем оконным стеклом расплывалось мокрое кладбище. Воздух в доме был густ от запаха пота и сладкого духа околоплодных вод. – Лучше тебе начать тужиться, а то мой муж выкарабкается сейчас из своей могилы.

Как и прочие трупы, зарытые в этой пропитавшейся влагой мягкой почве. Но чтобы мой Джон был одним из них?.. Чтобы он потащился через деревенскую площадь с пробитым после удара о скалу два лета назад черепом, раскисший и разбухший, с синей, прилипшей к штанам с изнанки кожей? Нет уж, черт побери, я позабочусь о том, чтобы он

остался в земле.

Как-никак, это из-за меня он оказался там.

– Нет! Еще нет! – Сара сидела на корточках на кровати, вцепившись в ее край. Пальцы глубоко зарылись в соломенный матрас, по пронизанным красными сосудиками щекам бежали слезы. – Я могу продержаться до утра.

Смахнув со лба светлые пряди, я опустила на колени на утопанный земляной пол – так лучше видно. Нет, по бедрам ее не текут красные струйки, кожа опухшая и покрасневшая, едва-едва прорезавшаяся между ног головка с темными волосами – без изменений... Но ради Хелфы, неужто она весь вечер заталкивала в себя ребенка, лишь бы удержать младенца внутри?!

– Больше тянуть нельзя. – Я погладила Сару по спине, подтянув выше ее мокрую от пота сорочку, а другой рукой раздвинула пошире ее ноги. – Ребенок выходит, хочешь ты того или нет.

Сара вся тряслась, и голос ее дрожал тоже, превратившись в тоненькое скуление, почти сливающееся с шорохом соломы:

– Но, Ада, одна мысль о том, что я не знаю, мертв он или все же жив, невыносима. Сколько еще до рассвета?

– Слишком долго, чтобы бежать от судьбы. – Полнолуния боялись все, но больше всех – женщины, обреченные родить ребенка в такую ночь. – Я ведь пришла – вместо того, чтобы отправиться на кладбище и покрепче придавить плиту на

могиле мужа, – пришла, когда ты попросила меня о помощи.

– Я просила помочь удержать его внутри... а не вытаскивать наружу!

Скверная идея. Риск и для матери, и для ребенка. Скальп под белесой пленкой, обтянувшей головку, побагровел. Умирает ли он? Или уже мертв?

Роды в полнолуние я принимала всего лишь четыре раза, и все младенцы на следующее утро были живы, но рассказов других, не таких везучих повитух наслушалась вдоволь. Мертвые дети безутешно кричат, говорили они, кричат и стонут, как стонут другие трупы в стон-ямах.

Стон-ямы...

Меня передернуло от одной лишь мысли о них.

Трупы, собранные нами за последний месяц, уже устраивали свою жуткую переключку, оглашая Хемдэйл своими надрывными хрипами. Большинство мы нашли вокруг деревни, хотя некоторые в полнолуние любят падать в реку – и попадают в рыболовные садки.

Я вновь посмотрела на Сару:

– Рожай сейчас, и ребенок может дожить до утра. Оставь его торчать так... и с восходом солнца он будет лежать в колыбели холодный как лед. А ты будешь истекать кровью с ним рядом. Хочешь поскорее присоединиться к умертвиям?

– Нет! – тонко вскрикнула она. Мое терпение было на исходе, но...

Нет, никто из нас не хотел такой участи.

И все равно она ожидала всех нас.

Мужей. Стариков. Матерей.

Всех.

Даже этого ребенка.

То, что мертвые могут мирно покоиться в своих могилах, лежать себе и тихонько гнить в земле, мне кажется полной чушью. «На наши земли наложено злое проклятье», – говорится в поверье. Это бог на нас гневается за что-то. Я мысленно усмехаюсь. Нет, мы-то знаем, кого нужно винить.

Или что.

Беспрестанный стук дождя о стекло раздражал, все мое тело напряглось.

– Сара, пожалуйста. Вдовы не должны гоняться за своими мертвыми мужьями, и уж точно не под таким ливнем. Тужься!

Стон ее наполнил дом, смешавшись с шипением огня в очаге и треском плохо просушенных дров. Наконец Сара задержала дыхание и поднатужилась, вытолкнув малыша на еще один драгоценный дюйм. Показался крохотный нос – розовый!

Розовый – это обнадеживает.

– Еще! – Когда головка ребенка скользнула в мою ладонь, я чуть-чуть повернула ее, чтобы легче прошло плечико. – Еще капельку. Головка уже вышла.

Следующая схватка сопровождалась визгом.

Визгом Сары и визгом ржавых петель открывшейся двери.

В дом заползли густые клубы дыма. Снаружи слышался гулкий, монотонный бубнеж – наверное, священники призывали селян взяться за оружие и окружить Хемдэйлскую стоняму.

– Что это? – Уильям захлопнул дверь. Под полями черной фетровой шляпы гневно сверкнули глаза. – Что она тут делает?

Поскольку Сара кричала, скрученная очередной схваткой, я ответила вместо нее:

– Она рожает.

– Я не желаю видеть тебя возле моей жены. – Он поспешил к Саре, опустился на колени, стиснул ее трясущиеся руки. – Хватит и того, что из-за твоего проклятья погиб мой брат.

Я вздрогнула.

– Она прислала ко мне соседку, просила прийти.

– А я прошу тебя уйти, неженщина.

Неженщина.

Острая боль пронзила мою грудь. Боль росла, росла, пока мне не стало казаться, что шнуровка платья уже врезается в легкие. Пустышка, наказанная самим Хелфой, проклятая загибом матки... Как меня только не костерили люди, но «неженщина» было самым страшным – и самым правдивым прозвищем. А как еще назвать женщину, не способную подарить мужу сына?

Дитя, благословленное Хелфой.

Я и дочь-то родить не способна.

Конечно, я проклята.

Я сморгнула подступившие к глазам жгучие слезы, встала и гордо выпрямилась – ну, насколько позволял мой скрюченный, затекший позвоночник.

– Хочешь, чтобы я ушла? Да мне только того и надо.

Мой мул стоял в конюшне уже запряженный, как раз на тот случай, если мне понадобится эта старая упрямая скотина, чтобы втащить повозку на могилу Джона. Но что толку от предусмотрительности, если я не доберусь дотуда, поскольку колеса увязнут в размокшей земле? Вот-вот, никакого толку.

Сара закричала – плечико ребенка сдвинулось с места. Околоплодные воды потоком хлынули на земляной пол, забрызгав подол моей юбки. Капельки влаги повисли в воздухе.

Я быстро нагнулась, поймала младенца и прошептала:

– Пожалуйста, не кричи.

Мальчик выгнул спинку. Ручки и ножки его были скользкие, кожа покрыта белым налетом. Открылись маленькие глазки, голубые, как у меня, с любопытством оглядывая окружение. Они заморгали и остановились на мне. И внутри меня разлилось тепло, когда его крохотные губки потянулись к моей груди, как будто... как будто он был моим.

Я глубоко вдохнула, пытаюсь остановить наплыв чувств, и отодвинула от себя ребенка. Потому что он не мой. И ни один ребенок никогда не станет моим.

– Это мальчик.

Гробовая тишина воцарилась в комнате.

Сара зарылась лицом в матрас и замотала головой, так что захрустела солома. Ноги ее сползли с кровати, и пуповина утонула в грязи.

Уильям, хмурясь, смотрел на ребенка со смесью облегчения и ужаса – и оттого уголки его губ то приподнимались, то опускались.

– Он... жив?

Во рту у меня пересохло.

Жив ли он?

Чем дольше Уильям смотрел на меня, чем дольше Сара оставалась неподвижной, чем дольше оба они ждали ответа, тем холоднее становился воздух вокруг меня. Будучи пови-тухой – сколько раз я видела, как матери укачивают новорожденных, баюкают плачущих малышей при полной луне – а поутру обнаруживают их холодными и одеревеневшими. Существует ли более жестокое проклятие?

Придерживая мальчика одной рукой, другой я подхватила со стоящего возле кровати стула вязаное одеяло и набросила его на младенца. Возможно, он и не нуждается в тепле, но будь я проклята, если я не дам ему этого тепла, пускай мы пока ни в чем не могли быть уверены. В горлышке мальчика зародился первый крик: влажное бульканье оставшейся в легких жидкости. По спине моей пробежали мурашки.

Это ничего не значит.

Все новорожденные кричат. Все плачут.

– До утра ничего не могу сказать. – Не могу и не хочу. –
Молитесь, чтобы он взял грудь, но... готовьтесь к тому, что
мертвые голода не испытывают.

Уильям встал, протянул руки, как будто собираясь взять
сына, но сразу бессильно уронил их.

– Но он... он же пытается завывать.

Завывать.

Вывать и бродить.

Вот что проделывают трупы в полнолуние. Они воют и
бродят, неумные в своем стремлении добраться до Сумрач-
ной башни на юге, и вопят, когда та не впускает их. Баш-
ня созывала их, словно жестокая сирена: каменный замок,
окруженный горами трупов, замок, в котором обитал дьявол,
виновный во всех наших бедах. Зло во плоти, как называли
его священники, неземное, сверхъестественное существо из
иного мира.

Король плоти и костей.

Я передала ребенка Уильяму – тот принял его с неохотой.

– Перережьте пуповину, дождитесь последа, держите его
в тепле до утра... и молитесь. А мне надо придавить могилу
Джона.

Набросив плащ, спрятав голову под капюшоном, я вышла
на улицу, и струи ливня тут же торопливо забарабанили по
войлоку. Стук капель смешивался с глухим ворчанием, до-
носящимся из стон-ямы, и все внутри съежилось от беспок-
ойства. За месяц яма переполнилась. Неужели в прошлом

группы действительно сжигали?

Наверное, это просто очередная байка...

Я завернула за угол здания суда, нырнула в кирпичную арку и вошла на кладбище. Между могилами бежали мягко поблескивающие ручьи, отражая мутный свет сияющей где-то за тучами полной луны. Вдоль кованых оградок выстроились мешки с зерном, хотя некоторые селяне уже перетасили их на могилы.

– Этого зерна мне хватило бы на год, – пробормотала я, направляясь к дубовой двери, прислоненной к ограде.

Ухватилась за край, поднатужилась, чуть ли не по щиколотку утопая в раскисшей земле, и... Проклятье, ну и тяжелая эта штука. Дверь упрямилась, выворачивая углами комя дерна. Меня бросило в пот, мышцы отчаянно заныли. Ну, еще немножко...

Дверь упала, громко хлопнув и похоронив все посаженные мною фиалки под беспрестанным стуком дождя по деревянной створке. Звук был достаточно громок, чтобы приглушить хор несущихся из ямы стонов, но, видит Хелфа, голоса папы он заглушить не смог.

– Промокла до нитки, но все равно придавливает эту чертову могилу. – Скрюченные подагрой пальцы вцепились в мешок с зерном и потащили его, чтобы водрузить на дверь. Седые волосы липли к черепу, из беззубого рта сыпались проклятья и брань по поводу погоды. – Не можешь ты удерживать его вечно, Ада.

– Двадцать три месяца, – ответила я. Холодная сырость щипала щеки. – Двадцать четыре, если ты поможешь мне запрячь мула в повозку. Земля совсем раскисла, и он может выбраться, так что стоит поставить на дверь телегу.

– Если колеса увязнут, твоя телега не вернется в стойло до весны.

– А если Джон выберется, мне придется догнать его, связать его и погрузить – куда? – правильно, в телегу, чтобы доставить обратно к могиле. – Я неотрывно смотрела на корявые папины пальцы, теребящие измазанный красным носовой платок. Неужто он опять кашлял кровью? – Колеса все равно увязнут. Так пускай они увязнут над моим мужем.

Старик поймал мой взгляд и поспешно сунул грязный платок в карман кожаного жилета.

– У тебя глаза красные, и кончик носа блестит. Ты плакала.

Ну, почти.

– У Сары родился сын.

– Живой или мертвый? – Я пожалала плечами, и он медленно покачал головой. – Уильям заплатил тебе хоть что-то за помощь?

– Нет, но могу поспорить, он с радостью заплатил бы мне, чтобы я ушла. Жаль, что я торопилась.

– Скверный человечико, – проворчал папа. – Ты слишком хороша, и это не лесть. Вечно берешь на себя чужие заботы. Заботишься о могиле того, кто давным-давно остыл.

– Человек стоит ровно столько, сколько стоит его обещание, – процитировала я слова папы, которые слышала все свое детство, ибо он повторял их беспрестанно, точно молитву. – Я разочаровала Джона живого, но не подведу Джона мертвого.

Пять зим назад я дала клятву в Тарвудской часовне, пообещав Джону быть покорной женщиной, плодовитой матерью и послушной женой.

Три обещания.

Два из них я нарушила.

Третье – держу.

Папа наклонил голову, хмуро глядя на меня, потом переступил с ноги на ногу, расплескав хлюпающую жижу:

– Упряма, как мать.

Мы обогнули западный угол, за которым гордо высилась беленая баня. Возле здания сидели на корточках двое мальчишек Флетчеров – сидели на самом краю ямы, да что там ямы, просто глубокой дыры в земле, кое-где укрепленной по краям частоколом.

Грегори, старший, потянулся и ткнул рогатиной в голову трупа.

Мертвец застонал.

Глубочайшее отчаяние и боль слышались в этом вибрирующем звуке, напоминающем судорожный кашель, kloко-чуший в воспаленном, покрытом язвами горле. У меня аж зубы заныли. Труп возил стершимися до костяшек пальцами

по скользкому дереву, мешающему ему выбраться.

Грегори вогнал рогатину в живот мертвеца, проделав довольно большую дыру, из которой вывалились лиловые кишки. Мертвец яростно зашипел. Умертвия обычно не досаждали живым, если их не провоцировать... но если напрашиваться, они способны разорвать тебя в клочья.

Стоявший неподалеку священник сердито покосился на мальчика:

– Не тревожь мертвых.

– Это какой-то чужак. – Грегори равнодушно пожал плечами. – Никогда не видел его раньше. И я не делаю ничего такого, что помешает ему уйти прочь, когда яму откроют. И вообще, это мертвые тревожат нас.

– И будут тревожить, пока мы не уничтожим дьявола. – Священник повернулся к деревенской площади так резко, что подол черной рясы хлестнул по босым ногам. Его звонкий голос заглушил шум в беспокойной ночи. – Слушайте меня! Ваши близкие не найдут покоя, пока хорошие люди этого края не помогут нам изловить Короля плоти и костей!

– Бабушка говорит, что никто не может войти в его королевство, так что и вытащить его оттуда не получится, – заявил Грегори, заслужив несколько кивков праздных прохожих и тех, кто готовился открыть яму. – Я как-то повстречался с охотником, ставившим капканы вокруг Отравленных полей. Он сказал, что видел мертвых зверей, проходивших через Эфенские ворота, но никогда не видал там человека,

ни мертвого, ни живого.

– Молитесь Хелфе. – Священник простер руки к небесам. – Молитесь, чтобы мы избавились от него, и поскорее.

Я усмехнулась, взяла папу под руку и повела его по тропинке к дому.

– Как будто священники в своих храмах не молились об этом последние... сколько там? Сотню лет?

– Больше. – Папа, шаркая, поднялся на холм. Штукатурка на стенах нашего дома давно растрескалась и осыпалась от непогоды. – Вопрос в том, что делать с существом, обладающим этакой силой.

Я двинулась через сад к конюшне, стоящей рядом с домом.

– Кто-то когда-то говорил мне, что однажды его пленили и удерживали с помощью огня. Вроде бы есть книга...

– Тс-с-с... – Папа оглянулся через плечо. – Не говори о книгах, когда священники поблизости. Сама знаешь, как они обходятся с нечестивыми писаниями об этом дьяволе...

Ба-бах!

Стойло содрогнулось от яростного удара железа по деревянным доскам. Затем последовало испуганное фыркание, и сердце мое заколотилось в такт с повторяющимися остервенелыми ударами.

Ба-бах. Фррррр. Тр-рах. Хррррр.

Еще удар. И еще.

Дерево затрещало.

Копыто пробило доску, и мое сердце подпрыгнуло к самому горлу. Да что ж за день-то такой злосчастный, неужто ему не будет конца? Я бросилась к стойлу, браня на чем свет стоит чертова мула – худшего момента для смерти эта тварь выбрать, конечно, не могла.

Папа семенил за мной.

– Проклятая скотина. Нужно было продать его мяснику, как я и говорил, еще когда этот мул отказался вставать на прошлой неделе. Теперь он разнесет все стойло.

Нужно было, могла бы, стоило бы, если бы да кабы...

Нет, ничто из этого не удержит Джона в земле.

Я повернулась к телеге:

– Я принесу веревки, и мы его стреножим.

– Тварь ринется к Порченным полям, едва ты откроешь конюшню.

– Ничего, годится, ведь кладбище как раз в той стороне. – Я схватила моток веревки. – По крайней мере на сей раз упрямая скотина пойдет туда, куда мне нужно. Пусть тащит свои кости Королю, коли ему угодно, но не раньше, чем телега окажется на могиле.

Я вернулась к стойлу, нервно посматривая на щели в досках.

– Посторонись.

Щеколда подпрыгивала при каждом ударе и подрагивала при каждом визгливом хрипе, завершающем искаженный болью рев мула. Старый Августин был жутко упрям при жиз-

ни, такого и могила не исправит.

– Полегче, полегче. – Маленькими шажками я двинулась к нему, спешно сооружая из одного конца грубой веревки что-то вроде аркана. – Ты еще разок прокатишь для меня этот возок, а потом, когда покойников выпустят, я сама отведу тебя к воротам.

Мул раздувал ноздри и бил копытом землю. Выпученные, полные паники глаза скотины не отрывались от открытой двери конюшни. Кожаная сбруя перекосилась. Повод болтался: верно, зацепился за что-то, да и порвался.

Я накинула веревку на шею животного и бросила петлю на землю, под топчущиеся копыта.

– Слишком темно, па. Открой дверь пошире.

Лунный свет хлынул в конюшню.

От оглушительного визга Августина я вся покрылась гусиной кожей. Но проклятая скотина все-таки шагнула в петлю, и я поспешно затянула ее покрепче над щиколоткой мула. Потом подготовила вторую петлю, в которую Августин попался довольно быстро. Стреноженный, он принялся лягаться еще яростнее, и старенькая конюшня застонала от этого яростного напора.

– Сейчас я его выведу.

Я обмотала оставшуюся часть веревки вокруг шеи животного, взобралась на деревянную перегородку и привязала свободный конец к сбруе.

– Осторожней, убьешься, – донесся до меня голос папы.

Крепко держа поводья, я вывела стреноженного Августина из стойла, и он бойко поскакал прямо к повозке.

– Я не позволю Джону сбежать, чтобы кто-нибудь вроде отродья Флетчера из соседней деревни растерзал его тело.

Папа суетливо метнулся в сторону и тут же вцепился в оглобли:

– Я разверну телегу.

Августин встал на дыбы. Из ноздрей его вырывался такой холодный воздух, что даже не собирался клубами. Дернувшийся повод обжег мне ладонь, но отпускать я не собиралась.

– Упрямый ублюдок. – Поправив упряжь, я потянула мула к тележке. – Ну, давай же!

Августин принялся брыкаться еще свирепее, ржание его походило на визгливые хрипы трупов в яме.

Мул вновь встал на дыбы.

Задняя нога его поехала по скользкой земле.

Августин пошатнулся.

Кожаный ремень с треском лопнул, стегнув меня по щеке, точно хороший хлыст. Я отшатнулась, врезавшись плечом в круп мула.

Предательская земля ушла у меня из-под ног.

Трах!

Острая боль пронзила голову.

В глазах помутилось.

Что-то дернуло меня за лодыжку.

– Помогите! Поймайте эту скотину, пока мул не прикончил ее!

Голос папы звенел у меня в ушах, но вскоре растворился в цоканье подкованных копыт.

И беспрестанном крике младенца.

Глава 2

Ада

Мокрая ткань липла к коже.

Шлеп.

Что-то бугристое ткнулось в спину.

Шлеп.

Боль вгрызалась в тело со всех сторон.

Шлеп.

Что случилось?

Я моргнула, разлепив слезящиеся глаза, и уставилась в темно-лиловое небо. Это что... почти утро? Божьи кости, где я? Еще один шлепок у плеча, я поворачиваю голову, вижу лохмотья, зияющие раны, пронизанную черными венами

кожу...

Крик застрял у меня в горле. Потрясенная до немоты, я устала на трупы, приткнувшиеся ко мне слева и справа.

Они тоже смотрели на меня.

Юноша без руки.

Вор.

Мальчик, весь в волдырях.

Чума.

Да, эти смотрели. А солдат рядом с ними, солдат в ржавом нагруднике – не смотрел, потому что глаза его выклевали и они превратились в черные зияющие дыры. Выклевал их, наверное, ворон, сидящий на остатках его плеча, с которого на лоскуте кожи свисала высохшая рука.

Я заворчалась, и подо мной что-то хрустнуло. Ветка?

Напрягая ноющие мускулы, я оглянулась через плечо, боясь с накатывающей дурнотой. Позади меня тянулась борозда грязи и страдания, вымощенная помятыми, раздавленными трупами, торчащими из земли – там, где они не громоздились кучами высотой с колокольню.

У меня перехватило дыхание.

Груды трупов.

Их было множество.

И я слышала лишь об одном таком месте.

Я приподняла голову и повернулась на шлепанье тонущих в грязи и вытаскиваемых с влажным чмоканьем копыт. Сбросивший пути Августин плелся сквозь расступавшуюся

перед ним толпу трупов. Через тех, кто не мог двигаться за отсутствием слишком многих частей тела, он перешагивал – или просто с леденящим кровью хрустом втоптывал их в землю.

И он тащил меня по этому месиву.

Проклятье, мне нужно освободиться.

Я потянулась к кожаному ремню, стянувшему мою щиколотку. Еще немножко... еще чуть-чуть... почти-почти...

Боль сковала все мышцы.

Голова ударилась о землю, медный вкус крови обжег язык.

Краешком левого глаза я заметила возвышающееся надо мной серое сооружение, холодная тень которого накрыла мое дрожащее тело. Проклятый мул притащил меня на Порченые поля, но я же не могу пройти через Эфенские врата в Седеющую башню. Ни один человек...

Хлюпанье и чавканье грязи под копытами сменилось звонким цоканьем.

Внезапный холод парализовал меня. Холод сопровождала тьма. В голове билась паника. *Я не должна быть здесь.* Я это чувствовала, чувствовала всем своим существом, это чувство пробирало до мозга костей, чувство... что оказалась *я не в том месте.*

Несколько долгих мгновений нас преследовал свист ветра, мы углубились в проход, и ветер затих, но впереди вдруг что-то яростно грохнуло, и между камнями лихорадочно заметалось эхо.

– Вино. Всегда... вино, – пророкотал низкий голос, после чего снова громыхнуло: будто разбилась груда тарелок. – У них что, кончилась вся медовуха? И эля не осталось вовсе?

– Коли те нужна медовуха, так не подпушай гниль к моему телу, шоб я еще разок прошлася до ближайшей деревни. Будта у меня и без того мало хлопот, чтобы еще искать вино для твоей пьяной башки.

– Следи-ка за языком, Орли, – прорычал низкий голос.

Последний раз цокнули копыта, и Августин остановился.

Мотающийся из стороны в сторону хвост закрывал обзор, но мне удалось разглядеть белые ступени, усеянные осколками глиняных кувшинов. Со ступеней стекало вино, скапливаясь на бледном алебастре красными лужами.

– Ох, бедная скотинка, замучили тя до смерти? – За четьрьмя жилистыми ногами моего мула появились черные башмаки, и голос Орли сделался мягче. – Не стал сбрасывать сбрую, аха? Славная ты скотинка, притащил усталые кости отдохнуть со своим хозяином.

Кости – отдохнуть с хозяином?

Меня затрясло, сердце и легкие разрывались, нарастающее отчаяние затопило меня целиком. Я что, действительно в Сумрачной башне? Нет. Это просто дурной сон. Сон. Да, всего лишь сон. Просто...

Ремень дернулся, и лодыжку мою пронзила такая острая боль, что я резко втянула в себя воздух...

...и подавилась им.

Под ребрами забулькало, разбухая, расширяясь, распирая грудь, что-то густое и теплое заклокотало в горле вперемешку с судорожным кашлем, я резко повернула голову – и все выплеснулось наружу. Липкая жижа покрыла десны, заполнила промежутки между зубами, потекла по подбородку, словно рыбий жир.

Кровь.

Слишком горячая, чтобы это было сном.

Топ. Топ.

Шаги.

– Охо! – Орли всплеснула руками и прижала их к груди. Бледное лицо ее было сплошь пронизано тонкими черными прожилками. Такие же прожилки испещряли белки глаз.

Говорящий труп?

Но... как?

Седые косы взметнулись – Орли повернула голову в сторону лестницы:

– Подойди-ка сюда, посмотри.

Мужчина вздохнул:

– Что, мул привез медовуху?

– Не-а.

– Эль?

Орли покачала головой, руки ее скользнули вниз, к широким бедрам, обтянутым простым хлопковым платьем в зеленую клетку. Женщина подбоченилась.

– Молодую девку.

Черепки захрустели под медленными шагами, но буханье крови в моих ушах заглушило скрежет растираемой в порошок глины. Сердце колотилось неистово, до боли, но когда мужчина обошел мула... оно просто остановилось.

Нет, не может быть...

Холодные бесцветные глаза встретились с моими. У мужчины был прямой нос, квадратная челюсть, длинные черные волосы, ниспадавшие на белую, не зашнурованную рубаху, не скрывающую мускулистой груди. Подол рубахи был заправлен в черные бриджи.

Никакой богатой вышивки.

Никаких золотых цепей.

Никаких украшений.

Казалось бы, обычный человек. Ничто не выдавало в нем злобное создание иного мира – и все же я поняла, кто это. Нет, его выдавала не гордая осанка, не надменно изогнутая бровь и даже не бесцеремонность шарящего по моему телу взгляда. О том, что это Король плоти и костей, говорил сам окружающий его воздух – холод, исходящий от него волнами. А еще – гримаса отвращения, кривящая его верхнюю губу.

Он наклонил голову и подбоченился:

– Как эта смертная попала на мой двор?

Орли похлопала Августина по крупу и небрежно пожала плечами:

– Родичи привязали девку к мулу.

Взгляд Короля скользнул по кожаным ремням, врезавшимся в мою кожу, потом вновь вернулся к лицу:

– Это что, новая уловка? Ты посмела явиться ко двору без приглашения? Незваной, непрошеной?

Губы мои беззвучно шевельнулись. Все извинения застряли в горле, вновь наполнившемся кровью. Пятна света и тьмы заплясали перед глазами. Мне нужно проснуться.

Проснуться. Проснуться. Просну...

– Говори! – Крик Короля заметался между стенами, впиваясь в мои кости. – Ты смотришь на меня, в твоих глазах еще теплится душа, и я требую ответа, пока ты еще в здравом уме. – Он шагнул ко мне и присел на корточки, касаясь носками сапог моей талии. – Так что, это новая уловка вашей подлой породы? Говори, и я, может, проявлю милосердие, вышвырнув тебя вон, прежде чем свернуть тебе шею. А будешь молчать – сделаю тебя своей рабыней – на веки вечные.

– Ну-ну-ну, – пробубнила Орли, внезапно сторбившись, – дай девке высказаться...

Король вскинул руку, приказывая старухе замолчать, по-прежнему не отрывая от меня взгляда.

– Заткнись, пока я не зашил тебе губы, чтобы ты подавилась собственным языком. Та, от кого я требую молчания, не перестает докучать мне, а та, от кого я жду ответа, молчит. – Он опустился на колени, наклонился, прижал губы к моему уху и зашептал: – Слушай мои слова, смертная. Лучше тебе ответить прежде, чем я найду тебе занятие при Бледном

дворе. Если ты полагаешь, что вечно блуждать по земле – скверная участь, то, уверяю, служить мне – куда более серьезная кара за ваши мерзкие человеческие делишки. Что же мне теперь, запретить приходиться ко мне даже зверям?

Я сглотнула ком крови и страха.

– П-прос-с... д-долж-ж...

Безжалостный кашель свел на нет все мои усилия, алые капли забрызгали белую рубаху Короля, его широкую грудь под распушенной шнуровкой, попали на щеку.

Орли покачала головой, хмуря густые брови, и на лице ее мелькнула тень жалости:

– Девка захлебнется в собственной крови.

Король машинально поднял руку, стер со щеки кровь и уставился на измазанные красным пальцы. Пальцы, которыми он миглом позже нерешительно потянулся ко мне.

Его ладонь легла на мою щеку.

Кожа коснулась кожи.

Я вздрогнула, неожиданно ощутив тепло.

Вздрогнул и Король.

И резко отдернул руку, словно обжегшись. Потом так же резко встал и отступил на шаг.

– Так... тепло.

Он сверлил меня своими пугающими глазами с радужками цвета осенних туч, предвещающих бурю.

– Кто тебя подослал? Какой-нибудь король смертных? Они больше не привязывают своих шлюх к деревьям, чтобы

выманить меня наружу, зато привязывают их теперь к зверям?

– Не получить те ответов от полумертвой, – встряла Орли. – Судя по виду, ее проволокло по каждой острой косточке да стукнуло о каждый череп по пути сюда. Нога вывернута. Не, по мне, так не похоже на ловушку.

Король шагнул к Августину.

– Внешность людей обманчива.

Он подхватил перекрученный кожаный повод, удерживающий мою лодыжку, и дернул – без видимых усилий, но ремень тут же лопнул, и моя нога стукнулась о твердый алебастр. Боль пронзила кожу, опалила плоть, скрутила тело, точно впившись в него грубыми веревками. Я вскрикнула, так громко, что даже мул вздрогнул – и принялся топтаться, переступая с ноги на ногу, точно приплясывая, пока эхо крика не стихло.

– Ни один смертный не умрет и не найдет покоя в моем королевстве. – Властный голос Короля разносился по безжизненным покоям, метался между обшитыми белыми панелями перекошенными стенами, взмывал к кривому потолку и стелился по земле, на которой стоял властелин этих земель. – Вытащите ее наружу и швырните на какую-нибудь кучу трупов...

Голос его затих, а вместе с ним исчезли и все звуки. Меня снова накрыла тьма, и пришел новый голос – незнакомый, но успокаивающий, как объятья возлюбленного, манящий меня

туда, где тьма бледнела, уступая дорогу слепящему свету.

– *Иди ко мне*, – убеждал голос. – *Позволь мне забрать твой последний вздох.*

Оцепеневшая, равнодушная ко всему, я шагнула к свету. Сияние окутало меня коконом, изгоняя боль, и страдание, и...

– Я запрещаю тебе идти к нему! – рявкнул Король, и что-то тяжелое легло мне на грудь. – Лучше уж я подлатаю твою плоть и сохраню тебе жизнь, чем позволю тебе умереть и нарушу свой обет.

Боль вернулась, обрушившись на меня с удвоенной силой, душа, вырывая из света. Легкие горели, ноги подергивались, спина выгибалась дугой... Я боролась со смертью, боролась долго, и вот наконец долгий глубокий вдох, иссушив горло и опалив ребра, наполнил мою грудь холодным воздухом. Привкус крови во рту исчез, а боль притупилась, превратившись в слабую пульсацию.

Веки мои, затрепетав, сомкнулись.

– Орли, выйдешь через Ноктенские врата, – велел Король. – Купишь в ближайшем селении еды и что там еще нужно... с учетом ее смертных потребностей.

Тело мое оторвали от земли. Отяжелевшие конечности вяло повисли, ноющие сухожилия натянулись. Живот прижался к чему-то теплomu. Странный запах проник в ноздри: что-то вроде пепла, припорошившего свежевыпавший снег.

– Твое сердце будет биться вечно, и возраст не коснет-

ся твоего горячего тела, пока ты служишь мне, маленькая смертная, – прошелестел мрачный шепот Короля у моего виска, усеянного крупными жемчужинами соленых капель пота. – Добро пожаловать на Бледный двор.

Глава 3

Ада

Темнота мурлыкала мелодию, напевая песенку голосом, похожим на скрежет ломающихся о камни зубов.

«Плоть и кость, и шрам, и стон, ты собой накормишь трон».

По телу пробежала дрожь, вырывая меня из сна.

Над головой, под сводчатым потолком, точно переплетенные корни деревьев, змеился белый пористый камень, местами пожелтевший, местами поросший темными клочьями мха. В воздухе витали ароматы жаркого и розмарина, совершенно неуместные в этой голой комнате, вмещающей лишь кровать да большую лохань для умывания.

Сверху на меня смотрела Орли. Глаза ее были бледно-зелеными.

– Живые сказали бы, шо ты спала как убитая.

Я приподнялась, почти не чувствуя боли. Серые меха, прикрывавшие мое обнаженное тело, сползли, стоило пошевелиться.

– И сколько же я тут пролежала?

Она пожала плечами и повернулась к каменному выступу, уставленному кувшинами, мисками и склянками.

– С того мига, как закрыла глаза, и до того, как открыла.

И сколько же это? Десятки вопросов теснились в моей голове. Вырвался ли Джон из гроба, выполз ли из грязи? Поковылял ли к башне, рухнул ли где-то на полдороге, чтобы какой-нибудь незнакомец наткнулся на него и швырнул в яму? Какова вероятность, что папа закончил то, что я начала, и...

Папа! Он же с ума сходит от беспокойства!

Я бросила взгляд на Орли, которая возилась с глиняной посудой.

– Часы? Дни?

– Мертвых время не заботит, – ответила она. – Миг. День. Вечность. Нам все равно. Со временем и те станет все равно.

Дрожь вернулась, кожа покрылась мурашками; в комнате было так холодно, что дыхание вырывалось изо рта густыми клубами.

– Мне нужно вернуться домой.

Подол платья Орли в сине-зеленую клетку колыхнулся,

когда она развернулась и присела возле меня с маленьким кувшинчиком в руках.

– Мясо остыло, зато хлеб свежий. Но сперва глотни-ка вот этого.

Гладкая глина прижалась к моим растрескавшимся губам, прохладная влага смочила саднящие десны – и хлынула в горло. Вода упала в желудок, как камень, но я все равно опустила кувшинчик.

– Смердишь гнилью, а гниль – эт трупы. – Она поймала мой взгляд и приподняла косматую бровь: – Ты боишься трупов?

Только когда они вдруг начинают задавать вопросы.

– Как ты двигаешься? Говоришь?

– Хозяин привязал мою душу к моему телу. – Что-то тоскливое прозвучало в ее голосе. – Мои мысли принадлежат только мне, но мое тело двигается, только если он того пожелает. Ох и гоняет он мои бедные кости по всему двору. Любит покомандовать-то, как любой мужик. Пятьдесят два года подтирала грязюку за маленькими лордами и леди. И целую вечность прибираюсь за ним.

При одной мысли о Короле у меня скрутило желудок.

– А правда то, что о нем говорят?

– О нем много че и много где говорят.

– Ему сотни лет?

В груди старухи что-то крякнуло: кажется, она усмехнулась.

– Больше.

– На вид ему около тридцати. – Мужчина в самом расцвете сил. Я отчетливо помнила, с какой легкостью он поднял меня, пускай сознание мое и было затуманено. – Откуда он пришел? Почему проклял нашу землю?

– Никогда не говори об этом, девка. – Женщина поставила пустой кувшинчик на выступ, после чего откинула меха, бросив мое голое тело на съедение ледяному воздуху. – Обтерла ты, как смогла, но шо те не помешает, так эт хорошее мытье. Вставай-ка!

– Здесь зябко, как зимой. Неужели тут нет...

– Нет огня. Никакого огня. – Невысокая полная женщина протянула мне руку. Кожу ее уже не расчерчивали черные сосуды, которые я заметила раньше. – Да не обсуждай с хо-зьяном, а то выведешь его из себя на пару десятков лет.

Интересно.

Я глубоко вздохнула, борясь с напряжением, скрутившим мышцы, и с желанием убежать. Король он там или нет, что-то не тянет меня служить ему – тем паче целую вечность. Но бежать, не имея ни малейшего представления о том, где я нахожусь и как мне вернуться домой?..

Дурацкая затея.

Я стиснула ладонь Орли и встала, кое-как прикрываясь другой рукой в жалкой попытке соблюсти благопристойность.

– Что это за комната?

– Хозяин сделал ее для ты.

– Сделал? В каком смысле – сделал?

Орли махнула рукой в сторону стоящей напротив алебастровой лохани:

– А ну-ка! Залезай!

И я пошлепала босиком к глубокому корыту, сделанному не из дерева, как в банях у нас дома, но из такого же камня, как и вся комната, как и все королевство. Коснулась трясущимися пальцами аккуратно закругленного края, гладкого-гладкого, если не считать случайных крохотных щербинок-выбоинок, будто оставленных булавкой.

Над поверхностью клубился пар, но я, едва окунув в воду палец, тут же отдернула ногу:

– Остыло.

Орли поболтала в воде рукой:

– По мне, так вполне себе теплая, но как уж тут судить, если тело давно мертво? – Она повернулась к ряду белых резных дверей в дальнем конце скупо обставленной комнаты. – Позову-ка хозяина...

Я ухватилась за край лохани и поспешно залезла в нее.

– Я лучше замерзну, чем встречу с ним. – Вдохнув поглубже, я уселась на дно, прикрывая руками грудь. – Если ты дашь мне мыло, я помоюсь.

Орли взяла с выступа белый брусок, но тут же положила его обратно, покачав головой.

– У ты вся спина в едва затянувшихся ранах. Они как

пить дать загноятся. Хозяину стоит больших трудов штопать плоть. Окуни-ка ты голову, намочи волосы.

Я послушалась: погрузилась в воду, взъерошила пальцами спутанные волосы. А когда снова села, дрожа, Орли принялась тереть мне голову мылом.

– А что это за белая комната, где вы нашли меня? – Если я доберусь дотуда, то найду и выход. – Мой мул тащил меня через арку и по какому-то темному проходу...

– Тронный зал.

– А он, э... далеко отсюда? – Движения Орли замедлились, и я добавила: – Если бы ты отвела меня туда, я бы поблагодарила твоего хозяина за то, что он исцелил мои раны.

– Послушай-ка, девка, от хозяина не убежишь. Никогда. – Ледяная рука женщины легла мне на плечо, потянув назад, к стенке корыта. – В коридоре полным-полно трупов.

Как и в Хемдэйле.

– Я сталкиваюсь с трупами всю свою жизнь.

– Но не с такими. Они будут хватать ты и тащить обратно к нему всякий раз, как ты попытаешься бежать. Думаешь, я никогда не пробовала?

Но должен же быть какой-то способ...

– А давно ты здесь?

– Десятилетия. Века. Это...

– ...для тебя без разницы, – закончила за нее я, ссутулившись. Надежда стремительно улетучивалась.

Орли легонько погладила меня по голове. Похоже, в этой

женщине я найду союзника – или даже друга. Поможет ли она мне? Может, отвлечет трупы, чтобы я смогла избежать королевской кары?

Шлюха.

Грубость, произнесенная Королем, все еще звучала в моей голове.

Мог ли он назначить мне подобную роль? Если он выглядит как мужчина, испытывает ли он мужские потребности?

Грудь моя болезненно сжалась при этой мысли.

Джек однажды пригрозил продать меня в публичный дом – по праву любого мужа, чья жена оказалась бесплодной. Я отвесила ему пощечину. Он ударил меня в ответ – дважды, сильно, но никогда уже больше не угрожал. Так что я избежала подобной судьбы тогда – и не приму сейчас.

Не приму без борьбы.

Я поскребла ногтем стенку лохани. На стенке осталась царапина, тут же заполнившаяся сбежавшими с пальца каплями воды. Значит, это не камень. Кто же построил все это, если даже тронный зал такой пустой...

– Она очнулась. – Голос Короля становился громче, его шаги медленно приближались. Я резко выпрямилась. – Оставь нас.

Орли за моей спиной окаменела; даже для трупа такая неподвижность была неестественна.

– Но...

– Немедля.

Рука женщины, лежащая на моем плече, сделалась тяжелее, холоднее и никоим образом не успокаивала. Но когда эта ледяная тяжесть исчезла, когда служанка поднялась и попятилась со словами: «Как угодно хозяину», мне сделалось еще хуже.

Даже после того как шаги старухи затихли за давно закрывшимися дверями, Король не пошевелился, не заговорил – как и я. За меня говорило мое сердце: при каждом ударе по гладкой поверхности воды с тихим шелестом прокатывалась слабенькая рябь.

Король протяжно выдохнул, от чего воздух сделался еще холоднее, а от его резкого приказа кровь в моих жилах застыла:

– Встань.

Делая быстрые неглубокие вдохи, пытаюсь таким образом скрыть свой страх, я поднялась под оглушительный плеск стекающей с тела воды. Одной рукой я обняла себя покрепче, пряча грудь, другую опустила, прикрывая промежность.

– Я вовсе не собиралась переступить порог твоего королевства. – Зубы стучали, спотыкаясь о слова. – Но спасибо тебе за то, что исцелил мое тело.

Даже в молчании Короля я слышала его презрение. Я спиной ощутила жар его тела, стоило ему приблизиться. Но если он так сильно ненавидит нас, смертных, зачем тогда оставил меня тут? Все слышали истории о психах, привязывавших девственниц к деревьям на Отравленных полях, чтобы уми-

доставить его. Большинство девушек так и умирало у стволов. Почему он просто не избавился от меня? Почему не ото-слал прочь? О небеса, почему не убил?

– В моем королевстве так... холодно. – Нежные пальцы перебросили мокрые волосы через мое плечо и скользнули сверху вниз по выгнувшейся дугой спине. – Ш-ш-ш-ш... никогда не уклоняйся от моих прикосновений, смертная, не отказывай мне в своем тепле.

Его пальцы источали жар, проникающий под кожу, пробирающий до мозга костей, согревающий меня изнутри.

– Чего ты от меня хочешь?

– Это ты мне скажи. Чего я могу хотеть от нежной кожи женщины, от ее теплой податливой плоти?

Я покачала головой.

– Нет? – Тихий смешок пощекотал мою лопатку. – Меня так и подмывает рассказать тебе, как я собираюсь использовать твоё тело, но давай не будем забегать вперед, а начнем лучше с вопроса попроще. Как тебя зовут, маленькая смертная?

Смертная.

А он, получается... бессмертный?

Я с усилием сглотнула.

– Ада.

– Ада... – Мое имя сорвалось с его губ, как шепот, как ласка. – Твоя плоть не осталась нетронутой. Значит, ты либо шлюха, либо замужняя женщина.

Волна жара накрыла меня, заставив вскинуть подбородок.

– Мой муж умер два лета назад.

– Даже не оставив тебе ребенка?

Теперь внутри меня разлилась пустота. Откуда ему все это известно?

– Жизнь не благословила меня детьми.

Вот мое наказание за то, что я так и не состоялась как женщина.

Нет, я не женщина.

Неженщина.

– Повернись и вылезай. – Приказ Короля будто хлестнул по шее.

Все во мне напряглось.

Я не показывала свое тело ни одному мужчине, кроме Джона, да и ему – только два первых года нашего брака.

– Это неприлично.

Пальцы его несильно сдавили мое горло, губы шевельнулись у виска, и он прохрипел:

– Нет такой части твоего тела, которую я бы еще не увидел, не почувствовал, не потрогал. Когда бы ты ни решила воспротивиться мне, знай, что я могу тебя заставить. А ничто, *ничто* не утомляет меня больше, чем заставлять тебя подчиняться.

Я собралась с духом, чтобы повернуться. За свою жизнь я и так уже растеряла большую часть своей гордости. Но то, что осталось, у меня не отнимет никто, даже он.

Что ж, я повернулась...

... и сразу пожалела об этом.

Король лучился такой ослепительной красотой, что я ахнула. Фигура его воплощала мужество и силу. Длинные темные ресницы венчали серые глаза, в которых что-то блеснуло, когда они скользнули по моей спрятанной кое-как груди. Блуждающий взгляд Короля скользнул по животу, покрывшемуся гусиной кожей, опускаясь все ниже и ниже, потом он поднял руку...

Я резко втянула в себя воздух.

Пальцы его легли на мои и потянули, извлекая мою руку из межножья, заставляя полностью открыться.

– Кто тебя подослал?

У меня перехватило горло.

– Никто.

– Считаешь меня дураком?

Я считала его грубым ублюдком.

– У меня нога запуталась в упряжи, вот мул и потащил меня из Хемдэйла. Клянусь Всеотцом Хелфой...

Он схватил меня за волосы и притянул так близко к себе, что я ощутила в его дыхании запах – и вкус – того, что он пил недавно.

– Кем?

– Хелфой... – Губы мои дрожали. – Это бог, которому мы молимся.

– Ох уж эти смертные со своими сказками. – Он оскалил-

ся, демонстрируя белоснежные зубы, обдав меня ароматами спиртного, золы и снега. – Вы предали бога, данного вам, сожгли его на костре, а потом придумали своего собственного? Если хочешь поклясться, смертная, клянись собой. Клянись своей кожей, своим потом, своими шрамами.

Я кивнула, насколько позволяла его хватка. Кожа головы горела.

– Клянусь... этим всем.

– Смертные часто клянутся, но редко исполняют клятвы. – Он разжал кулак, но его пальцы прошлись по моим волосам, словно расчесывая их. – Как ты думаешь, кто стоит перед тобой, маленькая смертная?

Его большой палец скользнул по моей груди, и я вся сжалась.

– Король плоти и костей.

Он громко хмыкнул:

– О... я теперь, значит, король? Докажи.

Я заморгала:

– Не пони...

– Поклонись своему королю, моя маленькая смертная. А как насчет реверанса? Неужто при дворах смертных королей это уже не принято, или я недостойн того, чтобы ты соблюдала этикет?

Кровь закипела в моих венах под его пристальным взглядом, когда я – впервые в жизни – присела перед ним в реверансе. Обнаженная.

– Весьма уныло, даже для шлюхи, – вздохнул он, и сердце мое пронзила игла гнева. – Как же, должно быть, обеднели ваши земли, если сперва у вас закончился эль, а потом и юные девственницы, которыми меня можно соблазнить.

Моя разумная половина убеждала меня молчать.

Но гордость победила разум, и я отпихнула его руку.

– Я не шлюха!

– На колени!

От его крика колени мои стали ватными, ноги подогнулись, и я бухнулась наземь, не в силах сдвинуться с места, как ни ерзала, как ни старалась. Почему? Почему я не могу пошевелиться?

– Ш-ш-ш-ш, не сопротивляйся моим приказам. Вот... успокой сердце.

Мышцы мои обмякли, скованные каким-то заклинанием, голова поникла, и я с трудом подняла взгляд.

– Отпусти меня.

– Чтобы ты рассказала всей своей родне, как попала в мое королевство?

– Мой отец болен... возможно, умирает.

– Ну естественно. Как и все смертные. – Его жестокий смех был под стать суровому взгляду, которым он, присев на корточки, сверлил меня, коленопреклоненную, почти рабыню. – Я, например, все еще могу вынести тебя наружу и свернуть тебе шею, но ах... я ведь тогда потеряю ценную служанку. Такую молодую и красивую, меня терзает жажда, когда я

чувствую исходящее от тебя тепло.

Я нахмурилась.

– О, ты не знала? Не помнишь, как я прикасался к тебе вот так... – Он погладил меня по щеке и криво улыбнулся, когда я попыталась отстраниться... и не смогла. – Каждая часть твоего тела, маленькая моя, будет служить мне вечно, начиная вот с этих вот сочных губ. Они сомкнутся на моем члене, которым я достану до задней стенки твоей глотки. И когда ты заучишь вкус моего семени, я примусь играть со всеми остальными твоими отверстиями. Я буду наполнять и растягивать их, пока тебя не затрясет от желания, пока ты не станешь умолять меня позволить тебе кончить.

Превозмогая мышечную слабость, я кое-как выпрямилась.

– Ты можешь проделать со мной все это, но мольбы моей не услышишь никогда.

– Нет? – Его верхняя губа жутко дернулась, а взгляд вновь скользнул к моей промежности. – Твоя рука, смертная. Ты уже ласкаешь себя, твоя плоть раскалилась от моих обещаний и рассказов о том, как я буду тебя пользоваться. – Я уронила голову – и поспешно отдернула руку, охваченная стыдом. А он лишь хихикнул, игриво проведя подушечкой большого пальца по моей нижней губе. – Ты *станешь* умолять. И если ты будешь хорошей маленькой смертной, я пролью свое семя, оставаясь в тебе, стиснутый твоей плотью. Ну-ну, не плачь, Ада. Тебе еще нужно время, чтобы прийти в себя,

восстановиться, ибо мое желание окунуться в твое тепло еще не слишком велико.

Я что... плакала?

Да, плакала, потому что он стер слезы с моей щеки и ушел. И с каждым его удаляющимся шагом ко мне возвращались силы, хотя я и оставалась на коленях, вслушиваясь в ускоряющийся стук своего сердца. Трупы там в коридорах или нет, мне нужно выбираться отсюда.

Лучше я буду дурой, чем его шлюхой.

Глава 4

Ада

Проснулась я с рукой между ног, с тремя пальцами, влажными по вторую фалангу. Пальцы поглаживали набухшие складки, проникали в сочащуюся влагой щель, изгибались внутри, пока...

М-м-м-м-м!

Собственный непотребный стон привел меня в чувство, и я торопливо отдернула руку от лона. Божьи кости, что это со мной? Почему я пробуждаюсь мокрая, как шлюха, услышавшая звон монет, почему корчусь и трусю о собственную ладонь?

Вытерев пальцы о меховое покрывало, я встала и огля-

делась. Итак, я заперта в четырех стенах. Явного источника света нет, но вездесущий алебастр источает магическое мерцание. Что сейчас, ночь? День? Как долго я...

Я вздрогнула.

Опять этот шум.

Я уснула под эту «колыбельную», нескончаемую какофонию несущихся из коридора стонов. За дверью ворчали, хрипели, сопели ломкие тела, теряющие конечности, всего лишь сталкиваясь друг с другом. Я видела! Если я выйду сейчас туда, они защелкают коричневыми зубами, вцепятся костяными пальцами в мои руки, запуская ногти под кожу.

Знаю.

Потому что уже пыталась.

Дважды.

Взгляд мой упал на сорочку, разложенную кем-то (наверное, Орли) в изножье кровати – выстиранную, накрахмаленную, аккуратно сшитую из обтрепанных лоскутов ткани. Я нырнула в нее, а ноги сами собой вернулись на вытопанную вчера моими беспрестанными хождениями тропу на полу.

Взад и вперед, назад и вперед, мерила я шагами пустую комнату, то и дело косясь на дверь. Сколько же трупов я видела в коридоре? Пять? Семь? Проклятье, это шатание туда-сюда не даст мне ответа.

Ни ответа, ни плана побега.

На негнущихся ногах я шагнула к двери. Сердце подпрыгивало от каждого раздавшегося снаружи кряхтения. От

каждого шороха шаркающих шагов тряслись тянущиеся к дверной ручке пальцы. Кстати, а быстро ли трупы бегают?

Я надавила на ручку.

Дверь со скрипом приотворилась.

– Даже не думай о побеге, девка, – стоящая на пороге Орли махнула рукой. За ней стояло два трупа... три, пять...

Женщина протиснулась в комнату и захлопнула дверь.

Дьявол, умею же я выбрать время!

– Донесешь на меня?

– Не-а, – тепло ответила она, но сейчас мне нужна была не подружка-хохотушка, а настоящий союзник. – Выспалась?

Выспалась? Или проспала вечность?

Я вздохнула, не рискуя спросить, сколько же я провалялась в постели – час или сутки.

– Я слышала, твой хозяин говорил что-то насчет других ворот. А сколько их здесь?

– Четыре.

– И куда они ведут?

– К четырем владениям людей, от заснеженных гор за Ноктенскими вратами, тех гор, откуда я родом, до каменистых степей за Солтенскими. – Орли подцепила черными кончиками пальцев подол висящего на сгибе ее руки платья и приподняла его, развернув и продемонстрировав мне наряд во всей его искрящейся красоте. – Глянь-ка, чо сделал для тя хозяин.

Ну вот, опять это слово... «сделал».

Я осторожно погладила мягкий шлейф платья, сшитого из сотен вырезанных в форме листьев кусочков, нежно покалывающих ладонь. Легчайшие шелковые нити всех оттенков коричневого сплетались, точно затейливая золотая филигрань, в ткань столь тонкую, что больше она походила на папиросную бумагу.

Орли с ободряющим кивком расправила передо мной платье, и я с замиранием сердца влезла в него.

– Никогда не видела ничего подобного. Как будто собрали тысячи листьев, прогладили, высушили – а потом сшили из них эту красоту.

Орли поджала губы:

– Хозяин желает видеть тя.

Она так сильно затянула шнуровку корсажа, что у меня перехватило дыхание. Косточки лифа впились в ребра, едва не проткнув легкие, и в душе поселилось дурное предчувствие.

Но, кроме страха, я ощутила еще и решимость.

Если уж мне придется встретиться с Королем, то это мой шанс разузнать порядки Бледного двора. Куда ведут Эфенские врата? Когда Король трапезничает? Где его покои и когда он удаляется в них?

– Твоя кожа потемнела. – Я указала на черные разводы на ногтевых пластинах Орли. – И что это такое у тебя на пальцах?

– Это гниль, девка. Бледный двор хочет упокоить мое те-

ло, но хозяин гонит порчу, шоб мы, трупы, не рассыпались.

Вблизи эта гниль была так... отвратительна.

Но говорить это вслух было бы невежливо, поэтому я кивнула:

– Вот, значит, как ты выходила за едой для меня в ближайшие деревни, оставаясь незамеченной. Видит Хелфа, ни один селянин не доверился бы трупу, который бы вдруг заговорил да потребовал жаркого.

– Аха, девка. Я-то в курсе, потому как меня как-то распознали и ну давай рубить голову. Больше всего мы боимся того, чего не понимаем.

Мне стало ее жалко:

– Король сказал, что пока я служу ему, меня не коснется возраст. Что он имел в виду?

– Король плоти и костей. – Усмехнувшись, она вытащила из карманов своего платья пару домашних туфелек, и они с мягким стуком упали на пол. – Аха, он долго смеялся, когда вышел из твоей комнаты. Понимаешь, девка, мой хозяин распоряжается всей плотью, всеми костями. Время морщит твою кожу, а он разглаживает.

Это застало меня врасплох.

– Значит, он управляет и мертвыми, и живыми?

Женщина кивнула.

Да, это должно быть правдой.

Иначе почему я встала на колени по его приказу?

Я сунула ноги в туфли, сделанные из мягкой кожи и укра-

шенные белыми бусинами.

– Почему он связал твою душу? Почему держит тебя при себе, как слугу?

Орли ловко расправила шлейф: видимо, ее пальцы помнили, как должны ниспадать складки шелка.

– Ох, девка, я украла кое-что у хозяина.

– Что украла?

Ее губы на миг сжались в тонкую темно-красную линию.

– Кое-что очень ценное для него; потеря была так велика, что свела его с ума.

Слова ее прозвучали довольно убедительно.

– Какое-то сокровище? – Женщина молчала, но я продолжала докучать ей, добиваясь ответа. – Поэтому он и проклял наши земли? Сделал так, чтобы мертвые не гнили в земле?

– Это не проклятье, девка. – Она протянула руку и пригладила мои спутанные пряди. – Просто мой хозяин больше не покидает Бледный двор, чтобы объезжать земли и распространять гниль.

Объезжать и распространять гниль? Никогда не слышала об этом прежде. Но, опять-таки, первосвященники сожгли большинство книг о Короле, и истории о нем были ничем иным, как искаженными слухами и постепенно меркнущими воспоминаниями. Если Орли говорит правду, то бросится ли Король в погоню за мной, если я убегу? Принесет ли гниль в Хемдэйл? Упокоит ли тело Джона?

Ну вот, еще одна причина бежать.

– Прошло, верно, много времени с тех пор, как он выходил. – Возможно, он и не удосужится преследовать меня, и теперь я не знала, хорошо это или плохо. – Трупы снаружи просто разваливаются. Один схватил меня – и потерял палец.

– Они старые, очень старые, и не подпускать к ним гниль стоит хозяину больших трудов.

Ага, значит, если я решусь прорываться с помощью грубой силы, то могу и уйти.

– А сколько трупов охраняет коридор?

– Ох, девка, я говорю те все энтэ ток потому, что ты и сама бы все равно энтэ узнала. Не усложняй себе жизнь, планируя побег.

– Не вини меня за попытку сделать то, что ты когда-то делала и сама. Мой отец болен, мой муж, наверное, угодил в какую-нибудь стон-яму и будет сидеть там до следующего полнолуния. Жена мельника из соседней деревни беременна двойней и нуждается в присмотре. Даже если у меня ничего не получится, я, по крайней мере, смогу сказать себе, что пыталась.

Женщина долго смотрела на меня, словно оценивая мою решимость, и на ее немолодом лице мелькнуло что-то похожее на жалость:

– Ты не уймешься, пока не попробуешь, аха?

– Точно.

– Десять. – Сердце мое упало, но тут она добавила: – Трое

пойдут со мной, чтобы принести воды из горячего источника, когда надо будет наполнить твою ванну.

У меня сразу возникло сильное желание помыться. Значит... семь дряхлых-непрочных-неможных трупов – на то время, пока Орли организует горячую воду для моего купания. Смогу ли я одолеть их?

Есть лишь один способ выяснить.

– Красивая ты, девка. – Орли еще чуток повозилась с моими волосами и наконец прищелкнула языком, кажется, довольная результатом. – Идем, а то хозяин призадумается, чо так долго-то.

На подгибающихся ногах я двинулась следом за женщиной по странно перекрученному коридору. Пол вдруг становился потолком, потом стеной... полом... снова стеной. Как такое возможно? Оглянувшись через плечо, я увидела, как кувыркнулась дверь моей комнаты – и мой желудок едва не последовал ее примеру.

Опять магия.

По пути нужно оставить метки!

Трупы выстроились вдоль стен, глядя на меня, но теперь они, по крайней мере, не щелкали зубами и не огрызались. Я насчитала ровно десять мертвецов. Всякий раз, когда мы куда-то сворачивали, я замедляла шаг и оставляла ногтем царапины на стенах – там, где странный камень посерел и стал более пористым.

Когда мы миновали большой мост, окутанный тьмой, я за-

пнула и остановилась. Колонны тут покосились, камень испещряли дыры и темные пятна плесени. Меня даже озноб пробрал, и волосы на загривке встали дыбом.

– Что это?

– Солтренские врата, – ответила Орли. – Если побежишь, сюды не сворачивай. За ними нет ничего, окромя горя и безумия.

Да все это королевство безумно.

– А где Эфенские врата?

Сдержанно покачав головой, женщина мотнула подбородком туда, где мост соединялся с круглой платформой:

– Слева от трона.

Трон стоял в центре низкого круглого помоста. На троне, расслабленно закинув одну ногу на алебастровый подлокотник, напоминающий переплетающиеся стебли водорослей, сидел Король. Спинку трона украшали лица, вырезанные из чего-то, напоминавшего прибитые к берегу коряги...

Я застыла.

Нет, это не коряги.

Лица принадлежали двум трупам, буквально вплетенным в трон. Я видела сотни трупов, но таких – никогда. Кожа их была настолько суха, что ее, наверное, можно было снимать слоями.

Дыши.

Ничего нового.

Ничего, кроме трупов.

Я продолжила путь к трону. Звук шагов эхом разносился по каменному помещению, совершенно лишенному жизни – хоть какой-нибудь. Где все? Где остальные слуги? Строители? Швеи, в конце концов?

Орли остановилась в нескольких шагах от первой ступени помоста.

– Ваш приказ исполнен. Я привела девку.

Белая рубаха распахнута, пояс темных штанов завязан кое-как. На коленях – кувшин. Король молчал. Поросшие редкой щетиной щеки, мощная грудь залита тем, что стекало у него по подбородку каждый раз, когда он делал глоток.

Ну какой же он неряха...

Орли стиснула мое плечо, словно пытаюсь удержать, и качнулась в сторону моста.

– Чертов дурень. Ушла на минутку, и чо я вижу? Он уже упился вусмерть, даром что смерть-то ему не светит.

Значит, он действительно бессмертный.

– Мне приблизиться?

– Неа, девка, вертайся-ка в свою комнату. Хозяин злой, когда трезвый, но когда его разум отравлен выпивкой, он просто ужасен.

Я кивнула, и мы попятились. Взгляд мой лихорадочно метался по помещению. Четыре отходящих от круга моста тонули в черных глубинах. Четыре коридора тянулись между ними. Мост слева от трона – мой выход из этого кошмара. Если мне удастся сбежать от трупов, я сориентируюсь по

царапинам на стенах...

– Моя маленькая смертная. – Голос Короля, глубокий и хищный, раздался так внезапно, что моя нога застыла в воздухе на полушаге. – Давай-ка посмотрим, сколько времени тебе потребуется на этот раз, чтобы опуститься на колени перед своим королем.

Глава 5

Ада

Сердце бешено застучало.

– Ты можешь оставить нас, Орли. – Король махнул рукой, отсылая ее, а потом поманил меня: – Подойди.

Ноги сами понесли меня...

...только вот не туда, куда хотелось мне.

Они развернули меня лицом к Королю, и с каждым шагом расстояние между нами сокращалось, как я ни упиралась, как ни боролась. Ради Хелфы, не желаю я находиться с ним рядом! И все же я подходила к нему. Ближе. Еще ближе.

Невидимая сила подняла мою руку одновременно с рукой Короля. Наши пальцы соединились, и он встал, чтобы подта-

щить меня к трону. А потом плюхнулся обратно, приобняв меня за талию. Легкий рывок – и Король усадил меня к себе на колени, как самую настоящую уличную девку.

Я в смущении поерзала, почувствовала твердость его члена, прижавшегося к моему бедру, и быстро качнулась вперед, отстраняясь:

– Нет!

– Ш-ш-ш-ш. – Он коснулся губами мочки моего уха, щекая ее дыханием. – Помни, никогда не избегай моих прикосновений и не отказывай мне в своем тепле, смертная.

Я глубоко вдохнула, борясь со стиснувшим грудь страхом.

– Пожалуйста, умоляю, отпусти меня домой.

– Теперь твой дом – Бледный двор. – Король подхватил с пола отставленный было кувшин и сделал здоровенный глоток. К помосту уже ковылял труп с новым кувшином. – И ты, маленькая, здесь для моего развлечения. Быть бессмертным так скучно, когда рядом нет теплого тела для компании.

– Пожалуйста, ваше величество, у меня семья...

– Ваше величество? – Очередной высокомерный смешок. – Пожалуй, ты могла бы придумать что-нибудь получше, а?

Я на миг стиснула зубы, прекрасно осознавая при этом, что мое упрямство ничем не поможет.

– Хозяин...

– Хотя, если подумать, «ваше величество» подойдет, раз уж меня понизили в звании до короля. – Он провел костяш-

ками по моей щеке, и что-то такое мелькнуло в его глазах – что-то вроде слабого проблеска беспокойства. – А вот хозяйном не называй меня никогда, Ада.

– Я нужна женщинам моей деревни.

– Если я отпущу тебя, за тобой повалит куча твоих сородичей. – Он ухмыльнулся с таким неприкрытым отвращением, что я сжала кулаки, глубоко-глубоко вонзив ногти в ладони. – Они станут *докучать* мне своими требованиями, предложениями... угрозами.

Докучать ему?

Внезапная ярость захлестнула меня. Ярость, и боль, и мысль о Джоне, бредущем по мостовой, с фиалками, запутавшимися в его непокорных кудрях. И о младенцах, ворочающихся в своих могилках. И о том крошечном сладком мальчике, чья влажная головка прижималась к моей груди.

– Когда в последний раз ты выходил отсюда и видел, что сотворил с нами? – Я давилась словами, проталкивая их сквозь застрявший в горле комок – но я должна была ему все высказать. – В ту ночь, когда мул приволок меня сюда, женщина из моей деревни родила ребенка при полной луне, не зная, действительно ли он жив – или обернется наутро мертворожденным. Ты понимаешь, насколько ты жесток, раз позволяешь матери укачивать и баюкать уже мертвого сына? Те, кого мы любим, бродят, не зная покоя, и наша скорбь длится вечно.

– Ну, вечно – это едва ли. – Губы его скользнули по мо-

ей шее, так что кожа покрылась мурашками. – Длиться она будет – благословенна ваша смертность – всего лишь до последнего удара ваших сердец.

Жестокий ублюдок.

– Тебе совсем плевать на наши страдания?

Он недовольно надул губы:

– Ага.

– *Еееээ-нооош...*

Сердце мое подпрыгнуло.

Этот голос...

Отчаянный, пронизанный страданием – от этого голоса меня пробрала дрожь. Родившись где-то в позвоночнике, дрожь быстро растекалась по рукам, по ногам, и тут на периферии зрения что-то шевельнулось. Взгляд мой, заметавшись, застыл на одном из торчащих из камня лиц. Серые губы медленно-медленно раздвигались, и к горлу моему подкатила тошнота.

Хелфа, нет!

Мутный взгляд вмурованного в трон трупа переместился, ища мои глаза. Резкие черты выдавали в нем мужчину; голос его казался таким же измученным, как тело, согнутое, скрученное, поддерживающее спину Короля.

– Енооош.

Енош.

Не стон.

Не хрип.

Слово.

– Ты чудовище. – Испытывая отвращение к его жестокости, я корчилась на его коленях, пытаюсь отстраниться от этого злобного существа. – Ты связал их души, как душу Орли, да?

– Нет, нет, перестань сопротивляться. – Мои мышцы обмякли по приказу этого мерзкого демона. – Вот так, хорошая смертная, податливая. Ты же хочешь этого не меньше, чем я.

– Не хочу, ничего, никогда не захочу! – Но мой сбивчивый голос, моя выгнутая спина выдавали страх. – Отпусти меня!

– М-м-м-м, как много борьбы в этом разуме, а ведь каждая клеточка твоего тела жаждет моего внимания. Сколько времени прошло с тех пор, как мужчина прикасался к тебе вот так? – Он провел пальцем по подолу моего платья, а потом стиснул мою голень. – Ну что, моя новая игрушка, уже намокла? Когда ты ласкала себя... – Его рука поползла вверх, по ноге, по внутренней стороне бедра, оставляя на коже жгучий след, и накрыла то место, где нарастало желание. – Здесь?

Щеки мои вспыхнули от унижения.

– Так это был ты?

– А кто же еще мог вдохновить мою маленькую смертную на столь распутный поступок? О, как ты окунула пальчики в теплую влагу, как гладила набухающие срамные губки, как терлась о ладонь в поисках облегчения, но... о, твой король не даровал его тебе. – Кончик его носа коснулся моего виска.

Король глубоко вдохнул. – М-м-м-м, я все это чувствовал. Твое желание, твою тоску по моему твердому члену, который заявит права на твою глотку, на твоё теплое лоно, на твою тугую задницу, еще не ведавшую подобных удовольствий, не так ли? Хочешь, я покажу тебе?

Палец его двигался по кругу, лаская мой клитор, и с губ моих сорвался непрощеный стон, прежде чем я прохрипела:

– Ты развратник.

– И это говорит женщина, что просто сочтется желанием. – Он хмыкнул, и смешок его был мрачен, как скрежет тяжелых цепей. – Женщина, которая трогала себя подобным... греховным образом, извивавшаяся в поисках наслаждения, которое могу дать только я. Женщина, которой нужно, чтобы я проник в нее, раздвинул ее, которая жаждет, чтобы моя твердость коснулась ее мягких изгибов. Ну-ка, погладь себя для меня.

Нет. Нет, я никогда...

Моя рука сдвинула мешающий шелк. Преданная собственным телом, я стала ласкать себя между ног ритмичными движениями, от которых лоно мое запылало. Бедрa подались навстречу прикосновению, я стремилась к наслаждению, как...

Как шлюха.

Это слово вернуло мне капельку здравомыслия. Я могла быть кем угодно – презираемой женщиной, бесплодной вдовой, дурой, считавшей, что у нее есть план, – но шлюхой...

Я не шлюха и никогда ей не буду!

Я уперлась свободной ладонью в его грудь. Кипящая ярость больно колола пальцы, которые я пыталась извлечь из липких складок.

– Ты дьявол, в точности такой, как...

– Ах-ах-ах! Твой король не давал тебе разрешения остановиться. – Бесцветные глаза взирали на меня, холодно наблюдая, как моя дрожащая рука вновь нырнула между ног, как пальцы вновь заскользили вокруг истекающей соком дырочки, пока кровь в моих венах не загустела от незваной, нежеланной похоти, которой там вовсе не место. – Вот, хорошая маленькая... Нет, не сжимай бедра. Я хочу смотреть, как ты играешь с тем, что принадлежит мне. Да-да, мне – чтобы мучить желанием, чтобы пытаться удовольствием.

Наслаждение воспламеняло мое тело, все сильнее и сильнее, с каждым толчком, с каждой порочной судорогой бедер, и неважно, что разум мой надрывался, крича, что он этого не хочет. Ему не могло, не могло это нравиться, но ох... Мучительный жар ударил изнутри с такой силой, что я выгнула спину и взвыла на весь зал – развратно, непристойно, не узнавая собственного голоса. Да что же это со мной?

– Да... – Король подался вперед и вверх, стиснув мою грудь, с силой прижимая свою отвердевшую плоть к моим ягодицам. – Как давно ни одна теплая щелка не сжимала мой член, выдаивая из него семя. Заслуживаешь ли ты этого, маленькая смертная? Заслуживаешь ли, чтобы моя плоть дол-

била тебя, проникала в тебя, распирая и разрывая? А?

И как я ни сжимала губы, протяжный стон раздвинул их, сняв с языка тонкий писк, похожий на мяуканье:

– Да.

– Ты была хорошей маленькой смертной?

– Да, – взвизгнула я, как безумная.

– Уверена?

Шелк затрещал, разрываясь, обнажая мою грудь, выставляя ее на мороз, прежде чем грубая рука стиснула ее до боли, давя и сминая, воспаляя клитор в предвкушении оргазма. – Ты не пыталась сбежать от меня? Не оставляла пометки на стенах?

Хлоп.

Моя собственная рука сильно шлепнула меня по лону, резко остановив подкатывавшую волну, так что меня затрясло от... от чего? От разочарования? Я сошла с ума? Пускай он управлял моими руками – но как я вообще могла захотеть такого?

– М-м-м-м... ты и представить себе не можешь, маленькая смертная, как мне хочется погрузиться в твою теплую плоть. Входить в тебя снова, и снова, и снова, пока мы, поглощенные желанием, оба не переосмыслим вечность. – Он взял мою руку, поднес мои пальцы к своему рту и, постанывая, мучительно неторопливо принялся слизывать с них терпкую похоть, легонько царапая зубами мою кожу. – Но ты очень расстроила меня, помечая путь к свободе, которой у

тебя никогда не будет. Уходи! Убирайся в свои покои немедленно и жди, пока я не придумаю тебе наказание.

Нет. Никакого наказания!

Я быстро соскользнула с его коленей.

– Я передумал. – Он схватил меня за руку и развернул к себе. – На колени. – Колени мои стукнулись о землю прежде, чем он произнес последнее слово. – Вот, хорошая девочка.

Я смотрела на него снизу вверх, и в глазах моих запылала ярость:

– Я отказываюсь быть твоей шлюхой, ублюдок.

– Ух, как грубо. Из тебя действительно получилась бы плохая шлюха. – Он поерзал, устраиваясь на троне поудобнее, и многозначительно качнул бедрами. – Сними с меня брюки и возьми мой член.

Я смотрела, как мои жадные пальцы нетерпеливо теребят черную шнуровку, похоть закручивалась во мне спиралью, и неважно, что меня мучило при виде разбухающей под тканью плоти. Ладонь скользнула по гладкой, без рубцов и шрамов, коже. Штаны сползли, обнажив его солидное достоинство, хотя и не во всей красе, возбужденное лишь наполовину.

– Возьми. Сожми. Крепче. О! Да, вот так, маленькая. – Пронизанный толстыми голубоватыми венами член подергивался в считанных дюймах от моего рта. – М-м-м-м, а нука, облизни губки.

Мой язык тянулся попробовать его на вкус, не обращая внимания на возмущение разума. Пальцы мои сжали ствол

крепче, в душе боролись похоть и отвращение...

Он поймал мой подбородок, подтянул меня ближе к набухшей плоти.

– Проведи языком от основания до головки. *Медленно.* – Я повиновалась, он зажмурился, и его стон слился с моим глухим мычанием. – М-м-м-м, да... этот ротик еще мне послужит, ох и послужит.

Слова его раздули уголек ненависти, тлевший в моем сердце, но я слизнула выступившую из крохотного розового отверстия прозрачную каплю, едва не замурыкав от дивного вкуса пощипывающей язык солоноватой влаги. Потом он потянул меня за волосы, направляя мою голову, вводя член глубже, и я повиновалась. Губы мои сжимали набухшую головку, язык кружил, лаская ее венец. И каждый раз, когда на язык попадали капли семени, клитор мой пульсировал от желания в одном ритме с его подрагивающими в преддверии оргазма ногами.

– Глубже. До самого горла. – Его ладонь легла мне на щеку, большой палец погладил уголок губ, и член вошел еще глубже, проник в глотку, заполнил собой рот, коснулся неба. Мышцы живота мужчины сокращались. – М-м-м-м. Да ты умелица. Ох, Ада, сейчас ты узнаешь, каков я на вкус.

Толчки участились, его стоны, подхваченные эхом, метались меж каменных стен, и он все насиловал, насиловал мой рот и вдруг громко закричал, застыл на миг – и задергался. Запутавшиеся в моих волосах пальцы сжались, он держал

меня, и теплые струйки семени орошали мои десны и стекали в горло.

– Глотай, маленькая смертная, – прохрипел он. – Да. Хорошая девочка. Размажь по язычку. Вкуси мое семя.

Я проглотила и ненавидела себя.

Ненавидела за это – и за то, что улыбалась, глотая.

Он потянул меня за руку, заставляя подняться, потом обхватил за талию, приподнял и снова усадил к себе на колени. Его возбуждение еще не вполне прошло, но я уже не сопротивлялась, потому что в голове все мутилось от унижения.

– Ну что ж... ты заслужила награду. – Король взял из рук равнодушного мертвого лакея новый кувшин, отпил и протянул его мне. – Вина? Нет? Ох, где же мои манеры... – Он поманил слугу. – Конечно, моя женщина получит кубок.

Кожа трупа сперва пошла зелеными пятнами, потом почернела и стала сморщиваться, усыхая. Воздух наполнился тошнотворным зловонием, но секунду спустя смрад рассеялся: плоть корежилась и рассыпалась белым прахом. Пыль взметнулась легким облаком, закружилась, образуя воронку, и заструилась к Королю. Там, на его ладони, порошок сгустился, превратившись в желтовато-белый кубок, на ножке которого виноградные лозы обвивали крохотные черепа.

К горлу подкатила желчь, едкая и кислая. Меня затошнило. Стук сердца гремел в ушах. Рука сама собой потянулась к кубку, ногти впились в плотный белесый материал, оставляя на нем царапины. А Король беспечно наливал в кубок

вино, приправляя воздух ужасающей сладостью.

Значит, не алебастр.

И вообще не камень.

Я ходила по мертвецам, спала на них, мылась, окруженная ими...

Моя ладонь поспешно зажала рот. Под языком скапливалась слюна. Если хоть капля ее попадет в горло, меня вырвет прямо на останки... людей. Матерей, детей, прадедов, спресованных в кровать, в ванну...

...в кубок.

Кубок, который он поднес к моим губам, требуя, чтобы я выпила из него вина, всего секунду назад был трупом.

– Я сделал его специально для тебя.

Я замотала головой, Король пожал плечами и отхлебнул из кубка сам. Я потупилась – и взгляд мой упал на платье, это прекрасное платье, и кровь застыла у меня в жилах.

– А из чего ты *сделал* эту одежду?

Он еще раз глотнул из кубка.

– Догадайся, смертная.

Из кожи.

Смерть покрывала меня всю, от ключиц до щиколоток – за исключением вульгарно вывалившейся из прорехи груди. Все вокруг закружилось, и я соскользнула с его коленей, неуклюже качнувшись, ловя равновесие. Прочь. Мне нужно выбраться отсюда!

Пошатываясь, я сошла с помоста. Кровь билась о барабан-

ные перепонки с такой силой, что заглушала мои торопливые шаги. Но смеха Короля этот гул заглушить не смог:

– О да, возвращайся по своим зарубкам в свою безопасную клетку.

Глава 6

Ада

Теплая одежда.

Провизия.

Крепкие башмаки.

Я надела туфельки, которые *сделал* для меня Король – возможно, из телячьей шкуры, а может, и из кожи чьего-нибудь сына. Крепкими их, конечно, не назовешь, но пока сойдет. Я ведь могу снять сапоги с трупа-охранника, и у него же позаимствовать толстый плащ, чтобы спастись от холода. Однако вопрос с провизией оставался открытым.

До тех пор, пока дверь не распахнулась и в мою клетку – как изволил назвать эти покои Король – не вошла Орли:

– Завтрак, девка.

В кои-то веки вовремя.

– Я хочу принять ванну.

Вздыхнув, женщина закрыла дверь: одной рукой, потому что в другой она держала блюдо. Блюдо из кости – как и все в этом жутком королевстве, – полное ломтей хлеба. В воздухе витал кисловатый дух дрожжей и сладкий запах сливочного масла – такие знакомые ароматы, совершенно неуместные здесь, в прогнившем насквозь месте.

Из которого я сбегу, оставлю раз и навсегда.

Орли поставила тарелку на мою кровать и подбоченилась:

– По мне, так в помывке ты не нуждаешься.

Однако еще никогда в жизни я не чувствовала себя такой грязной.

– Где твой хозяин?

– Обходит мертвых зверей.

Что ж, это увеличивает мои шансы на удачный побег, какими бы ничтожными они ни были. Я не останусь в этом королевстве, возведенном на смерти, управляемом безумцем... кем бы он ни был. Несмотря на его решимость держать меня в плену, велика ли вероятность, что он погонится за мной, покинув место, из которого не высовывал носа больше сотни лет? По-моему, невелика.

А если все-таки?..

Тем лучше.

Он принесет гниль в Хемдэйл – если мне удастся добрать-

ся дотуда. Одно это стоит любого наказания, которое он может придумать для меня, если поймает. Но что он может сделать в худшем случае? Превратить меня в табуретку? Вплести в свой трон? Нет, он хочет меня живой, это он ясно дал понять – из трупов, по-видимому, получают плохие шлюхи.

Я взяла кусок хлеба: путь до Хемдэйла займет по меньшей мере день, если избегать дорог, а времени выпрашивать еду на окрестных фермах у меня не будет.

– Так ты принесешь мне воды для ванны?

– Ох, девка...

– Пожалуйста, помоги мне. Я все равно попытаюсь убежать, несмотря ни на что, но... – Я подняла на нее умоляющие глаза, не зная, могу ли доверять этому трупу, но выбора у меня не было. – С твоей помощью у меня будет больше шансов.

Секунды тянулись бесконечно, но вот она выругалась себе под нос и шагнула к двери.

– Ладно. Если уж ты хочешь ванну, мне лучше поторопиться, пока вода не остыла.

Я схватила хлеб и за неимением карманов затолкала ломоть за корсаж. Желудок мой сжался, когда я подошла к двери, и причиной тому были не только доносящиеся из-за косяжной створки стоны. Если я расскажу священникам, как попала на Бледный двор, не назовут ли они меня сумасшедшей? Или же сами придут за Королем, чтобы воздать ему

наконец по заслугам?

Три глубоких вдоха вернули мне спокойствие, пускай и довольно хрупкое. Я потянулась к ручке – напряженно, готовясь к бою с семью трупами.

Нет... не с семью.

С шестью.

Один стал теперь чашей.

Я рывком распахнула дверь и отступила, но только для того, чтобы, взяв небольшой разгон и посильнее оттолкнувшись от земли, врезаться что есть мочи в два застывших у порога трупа.

Отвалившаяся рука шлепнулась на землю.

Плюх. А за ней еще и нога.

Гнилостная, едкая вонь разложения ударила в ноздри, вызывая тошноту, но я решила, что это меня не остановит. Я локтями прокладывала себе дорогу, расталкивая дряхлые изношенные тела, игнорируя их стоны, щелкающие зубы и грубые ногти, царапающие мои руки, шею, голени, пока...

Труп передо мной повернул голову так резко, что его язык хлестнул меня по щеке, точно дохлая змея, – у мертвеца не было нижней челюсти.

– Аааа-тааа!

Когда он потянулся ко мне, я пригнулась. Один пинок по голени – и кость раскололась. Зазубренные концы вспоролли тонкую как пергамент кожу. Труп взмахнул руками, лоя равновесие, но, потерпев неудачу, тут же грянулся оземь.

Я не оглядывалась. Не обращала внимания на подгибающиеся колени, застывший глаза туман, дрожь во всем теле... я бежала.

Бежала прямо по коридору.

От первой засечки налево.

От второй направо.

– Аааааа-таааа!

Мое искаженное умертвиями имя разносилось по коридору, и от мучительного воя трупов кровь стыла в жилах.

Позади загремели тяжелые шаги.

Ближе. Ближе.

Я пронеслась по костяному мосту, нервно косясь на трон. Пустой. Объятое паникой сердце колотилось в такт шагам, пока...

Нет!

Острые костяные пики вспороли землю вокруг помоста. Я резко затормозила. Зацепившийся за острие подол сорочки с треском разорвался, когда я метнулась к следующему мосту. Может, это тот самый, что ведет к Эфенским воротам?

Неважно.

Наружу! Просто вырваться отсюда наружу!

– Куда собралась моя маленькая смертная? – За небрежно оброненными словами последовал смешок, и сердце мое остановилось. Нет, этого не может быть. Где он? – Наблюдать за тобой – веселая забава!

Земля задрожала, приподнимаясь, вздуваясь. Я пошатну-

лась, упала, откатилась. И тут по помещению, искажая пространство, запрыгали пятна света и темноты.

Я поползла, извиваясь.

Чья-то рука схватила меня за лодыжку.

Я оглянулась.

Нет, не рука.

Серый, хрупкий на вид браслет из кости приковал меня к земле. Я пнула его пяткой. Раз, другой. Третий удар разбил кольцо вдребезги, и я, вскочив, побежала опять, размахивая руками, пытаюсь удержать равновесие. Я бежала к мосту.

К любому мосту.

Все новые и новые кости захлестывали мои ноги, но я дробила оковы на ходу. Слева мелькнул идущий ко мне Король, и вид его наполнил мое сердце ужасом. Но когда он вдруг остановился и жестокая усмешка искривила его верхнюю губу, я испугалась еще больше.

– Ты никогда не покинешь меня, маленькая, – сказал он, и ухмылявшиеся миг назад губы зловеще сжались. – А теперь стой, или я заставлю тебя остановиться.

Пусть попробует.

– Никогда.

Еще шаг.

Хрясть! Хрясть!

Боль пронзила мои ноги.

Я, шатаясь, сделала мучительный шаг, потом другой: мои ноги превратились в кривые ходули, которые подпалил ка-

кой-то шутник. А потом я упала. Ладони проехали по пористой кости, раздирающей мясо в кровь. Что он сотворил? Я посмотрела на свои ноги и ахнула, чувствуя, как сплющиваются, сдуваются в моей груди легкие. Нет, никуда я не убегу.

Потому что он сломал мне ноги.

Слезы застилали глаза, но я видела, что они вывернулись под неестественным углом, превратившись почти что в собачьи задние лапы, хотя боль медленно утихала. Но ведь этого не может быть. С такими травмами – разве не должна я визжать от боли?

– Ну вот, вот. – Сильные руки подняли меня, прижали к широкой груди. – Посмотри, что ты вынудила меня сделать, маленькая. Ни один король не должен гоняться за сбежавшей прислугой, и уж точно не по землям, на которые он не ступал почти двести лет.

Видит Хелфа, я этого не хотела, однако уткнулась лицом в изгиб его шеи, так что слезы потекли по его ключице.

– Ты сломал мне ноги.

– Вывернул, – поправил он, как будто это что-то меняло. Он перенес меня через мост, потом зашагал по темному коридору. – Веди себя хорошо, и я их выправлю.

– Куда ты меня несешь?

– Купаться, как и просила моя женщина.

Серые кости стен обрели вид настоящего камня, темного, как сланец. Коридор вывел нас в нечто вроде пещеры. Сырой

воздух здесь отдавал плесенью, и чем глубже мы заходили, тем сильнее; потянулись струи пара, оставляя на щеках влагу. Пар вился над горячим, тихонько бурлящим в каменных берегах источником.

Возле бассейна стояла Орли, опустив голову, прижав подбородок к груди, теребя подол платья и бормоча:

– Ничего хорошего все равно бы не вышло, девка.

У меня аж голова разболелась, когда я осознала собственную глупость, а желудок завязался узлом при мысли о таком предательстве:

– Значит, ты донесла на меня.

– Ох, девка, кабы ты понимала...

– Оставь нас, – приказал Король, опустив меня на землю и поддерживая, потому что стоять на таких обезображенных ногах было затруднительно. – Что же ты с собой сделала, маленькая.

Я смотрела вслед уходящей Орли – только чтобы не смотреть на спускающего штаны Короля. Затем пришла очередь моей сорочки: он осторожно стянул ее через мою голову, пока я неустойчиво покачивалась на ненадежных ногах, и бросил тряпку на землю между нами.

Снова подхватив меня на руки, Король раскачал мои скрюченные ноги – так, чтобы с них свалились туфли, после чего вошел в воду.

– Ты никогда больше не увидишь внешнего мира.

Ну уж нет.

– Никогда – это слишком долго.

Тепло окутало меня, когда он бережно уложил меня в воду; осторожно намочил волосы: совсем не похоже на того зверя, который только что переломал мне ноги. Мужская рука без стеснения заскользила по моему телу, смывая грязь.

– Ты моя, Ада. – От его мрачного шепота, щекочущего ухо, кожа моя покрылась мурашками. – Моя служанка, моя игрушка, моя женщина. Я никогда не отпущу тебя.

Конечно, не отпустит, но в какой-то момент я все же сбегу от него. Сбегу от дьявола, который...

Его язык скользнул по моей влажной шее, а кончики его пальцев отправились в путешествие между моих ног. Они кружили, окунались, дразнили, пока я не заскулила от желания, граничащего с болью.

Невольный стон сорвался с моих губ.

– Прекрати.

– Возможно, я был слишком груб во время нашей последней встречи. – Его палец кружил внутри меня, надавливая на стенки, создавая ощущение наполненности. – Оставил тебя неудовлетворенной... Ц-ц-ц, как жестоко с моей стороны.

Руки его легли на мою талию, обхватили, приподняли и усадили меня на край бассейна. А я лишь стиснула зубы, когда он раздвинул мои колени, заставляя раскрыться перед ним.

И подпрыгнула, когда его большой палец погладил мой пульсирующий от порочной жажды клитор.

– Я тебя ненавижу.

– Это лишь до тех пор, пока я не поцелую тебя... сюда. – Он ущипнул набухший бутончик, и я почувствовала, как меня выгибает дугой от этого грубого прикосновения. – Высосу твои соки, запущу в тебя язык и буду работать им до тех пор, пока ты не взмолишься, умоляя о члене. Какой-нибудь смертный когда-нибудь доставлял тебе подобное удовольствие?

Его вопрос лишил меня голоса, лишил дыхания, бросил в дрожь, и я лишь покачала головой.

– Ну так позволь мне.

Дорожка поцелуев потянулась по внутренней стороне бедра к лону. Бархатный язык огладил устье, пополз выше, выше, пока...

– О мой бог!

Прижимающийся к моему лобку, застывший в ухмылке рот пробормотал:

– Именно так.

– Пожалуйста...

– Я доставлю тебе такое удовольствие, какого не доставлял никто другой. – Он облизал, посасывая, мои срамные складки, потом его широкий язык сместился к центру, закружил у входа, то и дело ныряя внутрь, вознося меня на высоты, неведомые мне прежде. – Ох, моя маленькая смертная, как же ты вкусна.

– Пожалуйста... – *Остановись*. Слово висело на языке,

подбиралось к раздвигающимся дрожащим губам, но изо рта вырвалось только сдавленное: – М-м-м-м!

А потом я запустила пальцы в его черные-черные пряди, стиснула их, точно одержимая, и он со стоном зарылся лицом глубже. Он действительно «работал», работал так основательно, что мое «остановись» умерло, не родившись, на фоне вздохов и всех непристойных звуков, что срывались с моих губ. Каждый нерв моего тела дрожал, я кричала и плакала, словно от боли, когда стенки моего влагалища запульсировали, сжимаясь, и...

– Моли. – Он отстранился, поднялся из воды и ущипнул меня за сосок, сводя наслаждение на нет. – Моли о прощении, маленькая смертная, и я поиграю с тобой еще немного.

– Мне не нужно твое прощение, если взамен получу такое. – Злоба вспыхнула во мне – из-за того, что он со мной сделал, или же из-за того, что сделать *отказался*, – но я не собиралась уступать. – Я предпочту, чтобы ты поимел меня во все дырки – это всяко лучше, чем получать удовольствие от уст дьявола!

– Ох, почему ты не сказала об этом раньше, смертная? – Земля подо мной размякла, поехала, и в следующий миг он перевернул меня на живот, потянул, ставя меня на колени на пушистую шкуру, брошенную на край бассейна, так что зад мой оказался возмутительно выпяченным. – Так-так, не увиливай. Помнишь? Хорошим маленьким смертным ножки выпрямляют. С учетом того, сколько усилий мне требу-

ется, чтобы ты опустилась на колени, сомневаюсь, что тебе захочется вечно ползать по двору. Захочется? Нет. А теперь, маленькая, протяни-ка ручки и раздвинь ноги пошире.

Мои руки потянулись назад сами собой, по собственной воле, хотя в крови моей кипела ярость. Нащупав ягодицы, я раздвинула их, предлагая себя, как сучка в течке. И заскулила, как сучка, покачивая бедрами и прогибая спину, истекая похотью. Нет, это была не я.

Не могла быть. Не была и не буду.

Но какая разница, если я жажду сейчас, чтобы он вошел в меня, причиняя боль.

– Что ты со мной делаешь?

– Ох, маленькая. Разве ты забыла, кто я? Ты назвала меня Королем плоти и костей. – Придерживая меня за талию, он пристроил головку члена к скользкому заднему входу. – Я – жар между твоих ног, пульсация в твоём лоне, трепет в твоих костях, зуд в твоём животе, жажда, требующая утolenия.

Я застонала, чувствуя, как он входит в меня, растягивая отверстие, входит осторожно, неглубоко, и движется, движется мелкими короткими влажными толчками, довершая унижение.

– Ты дьявол.

– О, род человеческий не раз называл меня дьяволом. – Рука его легла между моих лопаток. Надавила, и локти мои подогнулись. – Давай-ка я покажу тебе такое, на что способен лишь дьявол.

И головка члена дьявола скользнула глубже.

Гораздо глубже.

– Пожалуйста... А-а-а!

Непривычным к такому обращению мышцам хотелось сжаться, сопротивляясь вторжению. Резкая боль вышибла из легких весь воздух, пальцы мои вцепились в косматую шкуру. А он протискивался в меня все дальше и дальше.

– Ш-ш-ш-ш, ты уж не вертись, когда я пользую эту дырочку. – Он вошел на всю длину. Зад мой горел, как в огне, будто поджариваемый со всех сторон. – Ты научишься любить и это, моя смертная. Тебя будет разрывать от наслаждения, когда твои ягодицы сожмутся вокруг моего члена. Да, ты этого хочешь, моя игрушечка... Как же хорошо, когда ты открываешься вот так для меня.

От похвалы мышцы мои расслабились.

– О-ох! – Мужской стон завибрировал глубоко внутри меня, и от этого невыносимое жжение сменилось теплым покалыванием. – Да, моей женщине нравится. Как прекрасны твои разведенные ягодицы, принявшие меня, да так глубоко. Отлично. – Толчки участились, он все больше растягивал проход, и теперь запульсировал и клитор. – М-м-м-м, ну давай же. Стисни посильнее. Да, вот так. Я оставлю в тебе солидную порцию семени.

Постепенно мой голод перерастал в нечто ненасытное, яростное – как и мое отвращение, в основном к себе самой. Нет, не могла же я на самом деле получать удовольствие от

члена демона в заднице!

И все же я выгибала спину и покачивалась каждый раз, как он входил в меня, удовлетворенно хрипя и порывая. О небеса, как же я хотела эти руки, сжимающие меня до боли, до синяков, этот безудержный член, долбящий меня, эти подрагивающие мышцы поджарого живота...

Я оглянулась.

Клитор звенел от напряжения.

– Нет...

– Да, маленькая. Сейчас ты кончишь, сейчас, пока я глабоко внутри. – Чем яростней я трясла головой, тем быстрее он двигался во мне, и вот, когда он вогнал клинок по самую рукоять, нутро мое вспыхнуло неугасимым пламенем. – Вот! Давай! Да... как сладко ты сжимаешь меня. Да, прими мое семя, маленькая смертная. М-м-м-м, эта жадная дырочка хочет получить все.

Жар опалял мои руки и ноги, тек по позвоночнику. Медленно затухая, он поглощал меня всю, до последнего волоска, обугливая пропитанные стыдом кости, затуманенный разум, охваченную тлеющим гневом душу.

Что я наделала?

Что он заставил меня проделать?

– Что ты за тварь? – глухо простонала я.

– Я твой бог. – Это богохульство так и не достигло моего сознания, поскольку в этот момент он вышел из меня, и струйка семени потекла по моей ноге, обжигая кожу. – Древ-

ний как мир, рожденный из ничего, я появился на свет с одной лишь целью: править и гноить плоть и кости всего живущего, чтобы очищать землю от останков и повелевать ими. Нет такого места, моя маленькая, где ты могла бы укрыться от меня. Нет и не будет.

Проклятье, наложенное прогневавшимся богом.

А что, если в старых сказках больше правды, чем признают священники? Зачем тогда они сжигали книги, истребляя все письменные свидетельства об этом боге, позволив времени стереть остальное?

Я с трудом сглотнула:

– Значит, ты не король.

– Мда, с обращением ко мне у смертных обыкновенно возникают трудности. – Он прилег рядом со мной, притянул меня к себе, прижав к своей груди, будто... будто мы были влюбленными. – Однако, с учетом того, что произошло между нами, полагаю, мы обойдемся без формальностей. Можешь звать меня Енош.

Так шипели трупы на троне.

– Енош? Что это значит?

– Оболочка. А кто-нибудь назвал бы это обличьем. – Он поцеловал меня в висок. – Это мое настоящее имя.

Глава 7

Енош

– Сверни девке шею, и пушай твой братец заберет ее душу. – Орли поставила поднос на табурет у кровати, и комната наполнилась сладчайшим ароматом печеных яблок. – Даже по твоим меркам держать ее тута живой вовеки – чересчур жестоко.

Я смотрел на смертную, спящую рядом со мной, всем телом впитывая ее тепло, чувствуя себя зерном, отогревающимся после вековых заморозков. Когда я в последний раз касался женщины? Почти два века назад.

– От умертвий в постели никакой радости. – Я как-то пробовал – не понравилось. – Предпочитаю ее живой и теплой.

– Девка уже засыпает при первом зевке, даже коли тока шо продрала глаза. Не будешь подпускать к ее телу положенного временем разложения и медленно сведешь ее с ума.

Я запустил пальцы в светлые волосы Ады. Если моя маленькая смертная сейчас проснется, она заморгает и вскинет на меня ясные синие глаза. Палец, плохо гнущийся после старого перелома, кожа, покрытая шрамами разных размеров, сердце, бьющееся сильно, но волнуяще-неровно... бога, созданного совершенным, ее несовершенство очаровывало сильнее всего.

Но только не ее врожденная моральная ущербность, свойственная всем людям.

Она пыталась бежать от меня!

Потухший было гнев вновь разгорелся, подначивая сломать ей шею единой мыслью, привязать ее душу к ее телу. Мертвые не заинтересованы в том, чтобы покидать Бледный двор. Даже уходя, они всегда возвращаются к своему хозяину.

Я – хозяин Ады.

Ее тело обречено служить мне...

...в смерти, да, но кто меня осудит?

Я придвинулся к ней ближе, горя желанием вклиниться между ее ног, пока кости вокруг нас не затрещат, распаяя ее изнутри – и себя вместе с ней, заставляя пылать так жарко, чтобы вечность утратила свое пугающее значение.

Вот в этом-то и проблема.

Мертвые повинуются.

Живые согревают.

Я не могу получить и то и другое разом.

Такая хрупкая, непредсказуемая штука эта... смертность.

Ох, как я завидую людям. Завидую их способности умереть.

Если подумать, разве я не был создан как отражение всего человечества? Создан из плоти и порока?

Нет, это правильно, что Ада теперь удовлетворяет желания моей плоти и страдает от моей порочности – всеохватывающего инстинкта собственника.

Моя маленькая смертная пришла ко мне.

И я удержу ее.

Удержу навечно.

И если ценой тому станет ее рассудок – что ж, так тому и быть. Ничего такого, чего не мог бы исправить Бог Шепота – если взамен его гарем умертвий будет пахнуть фиалками.

– Она не боится мертвых. – Не то что Ньяла, вечно недовольная Бледным двором, как бы я ни старался удовлетворить все ее капризы. – Никакого отвращения.

– Таким сделался мир в твое отсутствие. – Орли оглянулась, наблюдая, как я поправляю меховое покрывало на моей маленькой смертной. – Красивая девка. И ум по большей части при ней. Но оба мы знаем, шо она сбежит от тебя, и я ее не виню.

А ведь у нее действительно может получиться.

Ада оставила пометки на кости на всем пути от своих по-

коев до тронного зала, выяснила, что могла, насчет врат, и быстро обнаружила плачевное состояние моих трупов. Вечность длится долго, и возможностей для побега у нее будет предостаточно.

При одной лишь мысли об этом по телу моему разлилась такая мука, что я аж зубами заскрежетал. Ее шея, беззащитная шея под моей рукой... ее было бы так легко сломать. Но тут женщина вздохнула, ее груди на миг теснее прижались ко мне, и их тепло меня... успокоило.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.